

Сообщение
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/140-167>

Современные нейро/когнитивные науки и гуманитаристика: что они могут дать друг другу?

Дмитрий Михайлович БОНДАРЕНКО
Институт Африки РАН, dbondar@hotmail.com

Вячеслав Вячеславович ГАВРИЛОВ
Дальневосточный федеральный университет, gavrilov.vv@dvfu.ru

Роман Игоревич ДРЕМЛЮГА
Дальневосточный федеральный университет, dremluga.r.i.@dvfu.ru

Василий Андреевич КЛЮЧАРЕВ
Института когнитивных нейронаук Высшей школы экономики, vklucharev@hse.ru

Дмитрий Васильевич КОНОНЧУК
Дальневосточный федеральный университет, kononchuk.dv@dvfu.ru

Анатолий Михайлович КУЗНЕЦОВ
Дальневосточный федеральный университет, kuznetsov.2012@mail.ru

Артем Леонидович ЛУКИН
Дальневосточный федеральный университет, lukin.al@dvfu.ru

Николай Сергеевич РОЗОВ
Институт философии и права СО РАН, nrozov@gmail.com

Сергей Владиславович ЧУГРОВ
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД;
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН,
e-mail: sergeychugrov@gmail.com

Екатерина Сергеевна ЮРЧЕНКО
Дальневосточный федеральный университет, iurchenko.es@dvfu.ru

Аннотация. В публикации представлены материалы семинара по проблемам интеграции нейро/когнитивных наук и гуманитаристики, состоявшегося 11 ноября 2021 г. в ДВФУ. Основные доклады семинара были посвящены обсуждению современного состояния социально/культурной нейронауки и достижениям гуманитарных областей знания, связанных с исследованием проблем разума и его связи с языком. Особое внимание было уделено обоснованию значения категории жизненный мир человека в поисках оснований для интеграции рассматриваемых областей знания. Практические аспекты влияния достижений нейро/когнитивных наук на социальную реальность были рассмотрены в докладе, посвященном взаимоотношению нейронаук и уголовного права.

Ключевые слова: социально/культурная нейронаука, гуманитаристика, интеграция, разум, сложность

Для цитирования: Бондаренко Д.М., Гаврилов В.В., Дремлюга Р.И., Ключарев В.А., Конончук Д.В., Кузнецов А.М., Лукин А.Л., Розов Н.С., Чугров С.В., Юрченко Е.С. Современные нейро/когнитивные науки и гуманитаристика: что они могут дать друг другу? // Известия Восточного института. 2022. № 2. С. 140–167. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/140-167>

Message
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/140-167>

Modern neuro/cognitive sciences and humanities: what can they give each other?

Dmitrii M. BONDARENKO
African Studies of the RAS, dbondar@hotmail.com

Vyacheslav V. GAVRILOV
Far Eastern Federal University, gavrilov.vv@dvfu.ru

Roman I. DREMLYUGA
Far Eastern Federal University, dremluga.r.i.@dvfu.ru

Vasilii A. KLYUCHAREV
Institute of Cognitive Neurosciences, Higher School of Economics, vklucharev@hse.ru

Dmitrii V. KONONCHUK
Far Eastern Federal University, kononchuk.dv@dvfu.ru

© Бондаренко Д.М., Гаврилов В.В., Дремлюга Р.И., Ключарев В.А., Конончук Д.В., Кузнецов А.М., Лукин А.Л., Розов Н.С., Чугров С.В., Юрченко Е.С., 2022

Anatolii M. KUZNETSOV

Far Eastern Federal University, kuznetsov.2012@mail.ru

Artem L. LUKIN

Far Eastern Federal University, lukin.al@dvfu.ru

Nikolai S. ROZOV

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk State University, e-mail: nrozov@gmail.com

Sergei V. CHUGROV

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs, National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS, sergeychugrov@gmail.com

Ekaterina S. YURCHENKO

Far Eastern Federal University, e-mail: iurchenko.es@dvfu.ru

Abstract. This publication contains the seminar proceedings on the problems of integration of neuro/cognitive sciences and humanities, which took place on November 11, 2021 at Far Eastern Federal University. The keynote papers of the seminar addressed the current state of socio/cultural neuroscience and major achievements of the humanities related to the study of the mind and its connection with language. Particular attention was given to substantiation of the significance of the category of the human lifeworld to find the grounds for integration of these spheres of knowledge. Practical aspects of the impact of neurocognitive sciences achievements on social reality were addressed in the report about the relationship between neuroscience and criminal law.

Keywords: social cultural neuroscience, humanitarian, integration, mind, complexity

For citation: Bondarenko D.M, Gavrilov V.V., Dremlyuga R.I., Klyucharev V.A., Kononchuk D.V., Kuznetsov A.M., Lukin A.L., Rozov N.S., Chugrov S.V., Yurchenko E.S. Modern neuro/cognitive sciences and humanities: what can they give each other? // Oriental Institute Journal. 2022. № 2. P. 140–167. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/140-167>

Современная наука – на переднем крае своего поиска – поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен *сам человек*.

В.С. Степин

Тот, кто занимается человеческими отношениями, должен знать столько же о глазе, который смотрит, сколько и о предмете, на который смотрят...

Клайд Клакхон

Лукин А.Л.: Уважаемые коллеги, дорогие гости! Сегодня мы проводим наш очередной научный семинар по, как я думаю, очень актуальной теме, посвященной интеграции современных нейро/когнитивных и гуманитарных наук. Первое слово для выступления представляется профессору нашей кафедры международных отношений Анатолию Михайловичу Кузнецову. Пожалуйста.

Кузнецов А.М.: Дорогие коллеги! Тема моего доклада "Жизненный мир человека как фактор развития разума и формирования оснований социально-культурной нейро/когнитивной науки его исследований". Сам я рассматриваю этот доклад как обзорный, так как вижу своей задачей не озвучивание какой-либо новой информации, а, скорее, некое обобщение уже сделанного в исследовании поставленных проблем. Итак, появление новых технологий позволило специалистам в области нейро/когнитивных наук получить впечатляющие результаты в понимании организации и работы мозга [2; 3]. Достигнутые успехи стали возможны благодаря реализации таких фундаментальных проектов, как Human Brain Project (ЕС, 2013 г.); Brain (Brain Research Through Advancing Innovative Neurotechnologies) Initiative (2014 г.); Connectom (США, 2005–2015 гг.); Blue Brain Project (компьютерное моделирование мозга человека, международный, 2005 г.); Brainnectome (2013 г.); China Brain Project (КНР, 2016 г.). Полученные в данной области результаты стимулировали появление таких дисциплин, как нейроэкономика, нейросоциология, нейрополитология [6]. Позитивно оценивая начавшийся процесс использования новых возможностей в гуманитаристике и социальных науках, следует признать, что он еще не получил здесь должного признания и остается эмпирическим, по сути.

Как известно, Президент РАН А.М. Сергеев констатировал, что Россия сильно отстает от ведущих стран в исследованиях мозга, и предложил запустить общена-

циональный проект по его изучению, который: "...должен состоять из трех больших направлений. Во-первых, это изучение основных физико-химико-биологических когнитивных функций мозга, то есть того, что принято называть **сознанием**. (Здесь и далее выделение мое – А.К.). Второе направление, по его словам, – это диагностика и предупреждение заболеваний мозга. И третье направление – изучение мозга с целью развития искусственного интеллекта" [11]. В настоящее время в России разработками в сфере нейро/когнитивных наук и изучением сознания занимаются Институт психологии РАН; Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеровой РАН; НИЦ Курчатковский институт; Институт перспективных исследований мозга (Московский государственный университет), Институт когнитивных исследований (Санкт-Петербургский государственный университет), Институт когнитивных нейронаук (НИУ Высшая школа экономики), Центр нейротехнологии и машинного обучения (Балтийский федеральный университет), Институт нейронаук (Нижегородский государственный университет).

Знакомство с информацией об указанных институтах и центрах позволяет констатировать, что в основном исследования здесь ориентированы на "мультимодальное нейромартирование", другие методы исследований мозга, т.е. на то, что является органами человека и их функциями ("*Внутреннее сознание*"). Другое направление заключается в проецировании принципов мышления, механизмов принятия решений на искусственный интеллект. Неслучайно, что разработки по созданию искусственного интеллекта, нейросетей, нейротехнологий – составная часть исследовательских программ по нейро/когнитивным наукам. О современном положении дел в рассматриваемых областях можно судить по признаниям, приведенным там же: "Мы многое знаем о биологическом устройстве мозга, но до конца не понимаем, как именно взаимодействие определенных групп нейронов порождает то, что называется разумом" [4]. Показательно, что К.В. Анохин, один из ведущих российских специалистов в данной области, в своем докладе на Baltic Forum: Neuroscience, Artificial Intelligence and Complex Systems снова поставил вопрос о первоочередной необходимости создания **теории** нейро/когнитивных проблем и сознания. Полностью солидарен с Константином Владимировичем и когда он говорит о важности теории, и когда он обосновывает проблематичность ее создания без ответа на вопрос: "Как это [сознание, разум] возникло? Откуда мы пришли?". В этом случае становится очевидно, что ответ на этот и другие принципиальные вопросы не могут быть даны без привлечения современной гуманитаристики. Но ее результаты должны рассматриваться уже не под своим сложившимся дисциплинарным углом зрения, а как взаимосвязанный комплекс, который ориентирован на анализ **результатов деятельности разума**¹.

На первый взгляд, преимущества синтеза двух рассматриваемых областей знания вполне очевидны. Специалисты из нейро/когнитивной сферы работают с современными людьми ("живым мозгом"), поэтому они могут обсуждать проблемы эволюции сознания и разума на онтогенетическом плане, но лишены возможности делать это в филогенетическом аспекте. Разные же социально/гуманитарные науки – от археологии до фольклористики – обеспечивают необходимое диахроническое представление рассматриваемых проблем. В свою очередь, такие открытия в нейро/когнитивной сфере, как разная активность мозга у представителей "западной" и "восточной" общностей, индивидуалистских и коллективистских вариантов обществ, дают необходимую доказательность для гуманитариев в их дискуссиях [19]. Как тут спорить, если установлено: "У носителей разных культур активизируются разные участки мозга: у европейцев это преимущественно затылочно-височные отделы коры мозга, ответственные за выделение отдельных объектов, а у представителей Восточной Азии – так называемая парагиппокампальная извилина, которая прежде всего обрабатывает контекст (фон), на котором находится объект. У восточных народов нейронные сети более активны в рай-

¹ После принятия в 2012 г. в Кембридже Манифеста о сознании, я предпочитаю использовать концепт "разум", подчеркивая его сугубо человеческую природу.

онах мозга, которые связаны с взаимодействием с другими носителями сознания и эмоциональной сферой, а у западных – в районах мозга, которые осуществляют функции самоописания и процессуальной эмоциональной реакции, относящейся к продолжающейся социальной деятельности" [23, p. 298; 24].

При более же глубоком анализе проблемы интересующего нас синтеза приходится сталкиваться с барьерами на этом пути, которые могут показаться непреодолимыми. В естественных науках с их критериями доказательности, включая возможности эксперимента и применения математического аппарата, наблюдается критичное отношение к выводам гуманитариев, построенным на основе интерпретаций, являющихся базой для создания больших нарративов, а не собственно "знаний". Постмодернистский вызов вообще нанес серьезный удар по традиционной "философии" гуманитарного знания, акцентировав внимание на царящей здесь неконтролируемой субъективности, а затем вообще отказав им в научном статусе. Как следствие – мы получили торжество редукционизма в виде требования, чтобы та же, например, психология для обеспечения своей научной достоверности была редуцирована к биологии, а та, в свою очередь, к физике, так как только физикализм дает исчерпывающую доказательность. В других случаях, в той же американской политологии, не рассматриваются всерьез публикации, в которых отсутствует или очень слабо использован математический аппарат. Показательно, как в 2015 г. известный в теории международных отношений А. Вендт отметил "новаторской" работой "Квантовый разум". Здесь в лучших традициях американского физического редукционизма он декларировал: "Основной посыл этой книги состоит в том, что *все международные феномены являются квантово механическими*. Это касается как *частных мыслей в нашей голове*, так и *общественных или коллективных явлений*, включая *нормы, культуру и язык*, которые мы можем, в соответствии с их генезисом назвать институтами... *Элементарной частью социальной онтологии являются человеческие индивиды в своей биологической индивидуальности*" [35, p. 148]. Но как тогда быть с выводом известного физика Р. Пенроуза: "... разум, по всей видимости, представляет собой такую сущность, которую никоим образом невозможно описать посредством каких бы то ни было вычислений" [9, p. 12]. Следовательно, в нашем случае, как об этом говорят и результаты семинара российских исследователей с Его Святейшеством Далай-ламой XIV и учеными-буддистами, должны применяться **особые критерии доказательности**, связанные со свойствами нашего разума и его отношениями с реальностью. Преодолеть старательно навязываемый гуманитариям комплекс неполноценности может помочь такой полусерьезный силлогизм. Чем занимаются физики? Неживой материей. Чем занимаются биологи? Живой материей. Чем должны заниматься гуманитарии? Субъектами, сочетающими в себе свойства неживой (кванты), живой материй, да еще обладающими к тому же непонятным разумом, а также многообразными результатами их деятельности. При всей упрощенности представленных посылок правомерность риторических вопросов – чей объект исследований сложнее? кому приходится решать задачи более высокого уровня сложности? – вполне очевидна. Неудивительно, что в той же теории международных отношений ситуация меняется. Это продемонстрировал другой американский коллега Вендта М. Холмс, предложивший в 2018 г. более здравую идею использовать открытие зеркальных нейронов для "прочтения" партнеров по переговорам [25].

Как можно преодолевать эту лишнюю перспективы границу между "естественниками" и "гуманитариями" показали сторонники новых научных направлений (социальная/культурная нейронаука), заложенных исследованиями Д. Качиоппо, Д. Цяо и их соавторов [19; 21; 22; 30; 34]. Как писали Д. Качиоппо и Д. Десети: "Социальная нейронаука основывается на трех простых принципах... Первый, принцип детерминирующей множественности, означает, что целевое событие на одном уровне организации может иметь разные предпосылки, как на этом, так и других уровнях организации... Второй принцип – неаддитивный (нескладывающийся из отдельных составляющих – А.К.) детерминизм, который постулирует, что свойства целого не всегда могут быть выведены на основе свойств частей

целого... Третий принцип – реципрокальный детерминизм – констатирует, что в формировании поведения участвуют многочисленные взаимодействия между биологическими и социальными факторами" [20, р. 6]. Специалисты по культурной нейронауке уточнили: "Основным [для нас] и даже очевидным является утверждение, согласно которому культура является результатом развивающейся деятельности популяции людей, мозги которых были сформированы естественным отбором для обучения и управления культурой. Так что, **культура** является фактором **развития мозга**" [28, р. 199]. В России аналогичными проблемами занимаются Т.В. Черниговская, Ю.А. Александрова и М.В. Фаликман. Главный вывод, к которому пришли все эти исследователи, сводится к тому, что мозг человека является не только биологическим образованием, но и эволюционным, социальным и культурным артефактом!

Выводы американских коллег развили британские нейроархеологи из Оксфорда, которые рассматривают проблемы эволюции сознания и разума в рамках теории 4Е, связывая эти феномены с конкретными видами деятельности, влиянием внешней среды и особенностями строения телесности человека (*embodied, embedded, enactive, and extended*). Как вариант этой теории можно рассматривать концепцию материальной включенности [29]. Свое преимущество сторонники социо/культурной нейронауки как раз видят в преодолении *методологического редуccionизма*, констатируя: "Поскольку когнитивная нейронаука в основном сфокусирована на уровне индивида, а точнее больше на его мозге, чем на теле и окружающей среде, она мало что может сказать о явлениях более высоких уровней и деятельности, включая культуру и историю" [28, р. 209].

Принимая в целом представленные выводы, я хочу в дальнейшей работе по обсуждению проблем разума и его происхождения, предложить использовать понятие *жизненный мир человека*. Его обосновал известный российский социолог Ж.Т. Тощенко: "...это мир Человека (включая его мозг и телесность – А.К.), мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей человека, его восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены, его готовности понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным, противостоять осуществляемым государством и обществом преобразованиям" [18, р. 13–14]. Этот мир создается самим человеком, благодаря своему разуму, поэтому он отражает и воплощает наши разумные качества, которые мы должны исследовать ("внешняя психология"). Следовательно, нам нужна не просто теория, объясняющая основные принципы работы мозга (нервной системы) человека, но такая теория, которая сможет обосновать взаимосвязь нейро/когнитивных процессов с их материальными воплощениями, образующими наш жизненный мир.

Очевидно, что для создания теории социально/культурной нейронауки предстоит преодолеть серьезнейший **вызов сложности**, с которым неизбежно сталкивается каждый исследователь. Сам мозг и особенно функционирующие в нем нейросети, как показали специалисты в нейро/когнитивной сфере, являются образованиями высокого уровня сложности, сопоставимыми, буквально, с **космосом**. В свою очередь, жизненный мир современного человечества с его материальной, экономической, политической, социальной составляющими, тем же искусством, религией и т.д. – тоже явление сверхсложного порядка [33]. Можно ли реально соединить эти столь разные, но связанные сверхсложности в единой теории? Думаю, да. Показательно, что К.В. Анохин в своей сфере предложил идею когнитива и гиперсетевую теорию сознания [1]. Я в собственных этно/социально/политических исследованиях пришел к необходимости применения сходной методологии работы со сложными явлениями и объектами, которые рассматриваются, в частности, как многоуровневые образования. При этом специфика этих разных уровней предполагает применение при их исследовании особых теоретических подходов и соответствующего категориального аппарата [7; 26]. (На основе такой методологии основана моя критика универсальности концепта "идентичность", представленная на предыдущем семинаре). В таком случае, операционализация

принципа **сложность** через теорию и методологию анализа сложных систем открывает возможность для разработки концептуальных оснований исследований активности нейросетей и их взаимоотношений и взаимодействия с полученными результатами, материализованными в жизненном мире человека. Здесь важно понимать, что такие связи и взаимодействия реализуются по принципу **обратной связи**. Кроме того, для достижения обсуждаемого синтеза необходимо преодолеть еще один барьер, обусловленный различием языков, используемых в нейро/когнитивной и социально/гуманитарной сфере, а также некорректным применением концептов, появившихся в одной из этих сфер в других. Пока не создан необходимый новый язык (языки) следует подумать о словаре соответствий концептов и терминов, принятых в разных отраслях науки. Например, с концептом "память" целесообразно сопоставлять категорию "опыт". (При этом еще необходимо проанализировать особенности его проявления на индивидуальном и коллективном уровнях существования). Как аналогии концепта "нейросеть" можно рассматривать понятия "социальных и других сетей", а также "структуры".

Важно понимать, что у гуманитариев уже есть собственный опыт по непосредственному выходу в поле исследований разума. Так, выдающийся французский антрополог К. Леви-Стросс, занимаясь исследованиями структуры архаичных мифов и систем родства, пытался понять устойчивые ментальные структуры людей прошлого [8]. Важные результаты для анализа проблем такого рода еще раньше были получены нашим российским ученым В.Я. Проппом на материалах русской волшебной сказки [10]. Как основное достижение этих замечательных исследователей следует рассматривать следующий факт. Занимаясь анализом больших массивов мифов американских индейцев (Леви-Стросс) и русского материала (Пропп), они независимо друг от друга смогли выделить ограниченное количество постоянных величин (функций персонажей), которые лежат в основе всего этого многообразия текстов. Как без данных социально/культурной нейронауки объяснить подобное совпадение? Особо следует также отметить объяснение феномена этнического многообразия человечества другим нашим выдающимся ученым С.М. Широкогоровым. Возникновение этносов (этнических общностей) он уже в 1920-е гг. связывал с адаптацией отдельных групп людей к 3-м основным средам: природной, культурной, созданной этой группой, и к другим этническим общностям. Затем в варианте своей теории 1930-х гг. Широкогоров кардинально изменил концепцию этноса. Теперь под этим определением понималось только процесс, в который включены этнические общности. Кроме того, глубоко изучив феномен шаманизма у коренного населения Сибири и Маньчжурии, он выделял в этнических объединениях материальную культуру, а все остальное, что он раньше включал в понятие культуры, получило определение **психоментальный комплекс** как основное достояние и характерное свойство этнической общности. Дуализм в названии предлагаемой категории должен был отразить значение как сознательных, так и бессознательных начал в жизни каждого человека и его общностей [32]. Значение идей С.М. Широкогорова состоит еще и в том, что они обосновывают включение этнической составляющей в общую картину жизненного мира человека. Свойства этой реальности также влияли на характер информации, участвующей в формировании нейросети представителей соответствующей этнической общности. Поскольку, по разным данным, в мире сегодня остается от 5 до 7 тыс. часто очень разных этнических общностей недопустимо пренебрегать этим обстоятельством. Не зная об исследованиях С.М. Широкогорова, известный американский антрополог К. Гирц позднее тоже обратил внимание на проблему общности строения мозга у всех людей (универсализм) и обескураживающего многообразия вариантов результатов его деятельности (партикуляризм). В результате появилась его идея о необходимости создания **этнографии мысли** [5].

Даже не ставя перед собой такой задачи, другие исследователи, добросовестно работавшие со своими материалами, как об этом свидетельствует пример Э. Саида, стали все чаще выходить на проблемы, связанные с сознанием. Этот исследователь, работая с описаниями и другими репрезентациями хорошо знакомого ему

региона Переднего/Ближнего Востока, зафиксировал различия в его восприятии англичанами, американцами и французами. Отсюда появилась его концепция **ориентализма** – разных представлений, имеющих косвенное отношение к реальности данного региона, но объяснить причины этого явления он оказался не готов [31]. Не менее показательным является современный критический настрой к претензиям на универсальность концепций, возникших в Европе и США (постколониализм, методологический национализм и другие варианты критики европо/западоцентризма). Одним из результатов этого процесса стало появление тех же "незападных" теорий международных отношений. Специалистам в нейро/когнитивной науке следует также учитывать фактор **хронополитики**, впервые описанный в 1970 г. Г. Уоллисом. Смысл его заключается в том, в современности существуют разные виды обществ и общностей, от постиндустриальных, до аграрных и даже клановых. У каждой из них своя особая история и опыт развития, свой жизненный мир, которые также влияют на особенности мировосприятия и поведение людей [27]. До появления нейро/когнитивных наук к идеям В.Я. Проппа, К. Леви-Стросса, С.М. Широкогорова и других исследователей, к тем же западным теориям можно было относиться скептически. Но теперь мы должны на новом уровне вернуться к ним и использовать для анализа проблем взаимодействия мозга, нейросетей и жизненных миров людей.

Кроме рассмотренных примеров, большое значение для интеграции нейро/когнитивных наук и гуманитаристики могут сыграть исследования возникновения и развития орудийной деятельности (для этого еще предстоит уточнить понятие "орудие"), ранних проявлений изобразительного творчества, ритуальных, шаманистских и других сакральных практик, воинских искусств Востока, даосской алхимии и т.д., и особенностей их носителей. За неимением времени я уже не могу остановиться на раскрытии их значения. Только следует понимать, что для сопоставления наших результатов с теми, которые получают специалисты в нейро/научной области, следует выполнить ряд условий. Прежде всего, массивы наших данных должны быть предварительно систематизированы с учетом требований теории анализа сложных систем. Нам необходимо установить реальные связи между различными нашими образованиями, как это делали и В.Я. Пропп, С.М. Широкогорев и К. Леви-Стросс. Наши материалы, демонстрирующие этнические, социальные и другие отличия людей, участвующих в экспериментах, позволят коллегам из нейро/научной сферы точнее интерпретировать свои результаты. На основе сопоставления полученных таким образом данных из рассматриваемых отраслей знания мы сможем реально решать и проблему происхождения разума, и обсуждать его дальнейшую эволюцию. Понятно также, какую роль при этом сыграл язык, но я не имел возможности заняться более серьезно этой проблемой. К счастью, этот пробел у нас любезно согласился закрыть Н.С. Розов в своем докладе. Благодарю за внимание!

Лукин А.Л.: Спасибо, Анатолий Михайлович! Слово предоставляется Николаю Сергеевичу Розову.

Розов Н.С.: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Сейчас как раз я завершил книгу по теме моего доклада "Происхождение языка и сознания: как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности" [17]. И в своем докладе "Генезис перемещаемости языка и "тотальности" сознания в модели коэволюции забот и структур" решил поделиться только двумя результатами, которые в наибольшей мере, на мой взгляд, соприкасаются с тематикой нейронауки. Речь идет о перемещаемости языка и о "тотальности" сознания, о которой Анатолий Михайлович сегодня уже говорил. В книге и в моем сообщении эти темы раскрываются в контексте антропогенеза, глоттогенеза и когнитивной эволюции. Перемещаемость – это одна из языковых универсалий. (Здесь я использую известный универсалий Чарльза Хоккетта). Сообщения могут относиться к денотатам, или обозначаемым, которые удалены во времени и пространстве, удалены от ситуации сообщения, от перцептивного поля участников коммуникации. Это очень важное свойство языка, свойство речи, мы можем говорить о чем-

то далеко, прежде всего, а также об абстрактных предметах, как, например, говорим сегодня.

Что подразумевается под "тотальностью" сознания? Про пересечение двух огромных миров здесь уже говорилось, "тотальность" прямо к этому относится. Есть у нас представление, что наше сознание равновелико миру, мирозданию, универсуму. На мой взгляд, это качество – кажущееся, т. е. все реальные индивидуальные сознания ограничены. Про это можно поговорить, если кто-то не согласен. Но сама эта кажимость того, что наше сознание равновелико миру – это феномен, весьма любопытный.

Очень коротко об основаниях исследования. Очень важна концепция культурного драйва, конечно же, генно-культурная коэволюция и, разумеется, многоуровневый отбор. Я могу пояснить, если будут вопросы, что это все означает. Также социологические концепты оказались очень продуктивными. Таковы интерактивные ритуалы, о которых уже шла здесь речь. Это, прежде всего, концепция Рэндалла Коллинза. "Установки" – по-моему самый удобный конструктивный термин для понимания психики. Разумеется, институционализм и все то, что касается социального взаимодействия. В психологии для глоттогенеза важнейшее значение имеет теория интериоризации Льва Выготского и Александра Лурии. Опять же установки, но уже в психике. Оперантное обусловливание Скиннера, которое, по-моему, недооценивается, как-то принижают его роль, а оно как было у животных, так и у нас продолжает быть исключительно важным, и очень много в нашем обучении и поведении на этом построено. Ну и, конечно же, широко понятый психоанализ. Самое парадоксальное в представленной, казалось бы, безысходной ситуации заключается в том, что наш разум, воплощенный в прорывных научных достижениях, все же открывает нам такую возможность.

Заштрихованные стрелки означают причинные воздействия "сверху вниз" и "извне внутрь": от процессов к механизмам, от функций, потребностей, забот – к обеспечивающим структурам. Белые стрелки означают обратный вектор причинности – издержки, ограничения и возможности, "поставляемые" структурами. **Жирным шрифтом** отмечены уровни, находящиеся в центре внимания настоящего исследования

Схема на рис.1, на мой взгляд, может вполне претендовать на тот синтез, о котором мы слышали в первом докладе. Здесь как раз в логике культурного драйва идут изменения во внешней среде и, что очень важно, в социальных порядках. Это приводит к вызовам и коммуникативным **заботам** (ключевое понятие в моей теории). Закономерно происходят какие-то изменения массового поведения. Именно изменения массового поведения через многоуровневый отбор привели к потрясающим эволюционным изменениям: и в морфологии, в размерах строения мозга, в когнитивной эволюции, включая происхождение языка и сознания. В книге главная тема – механизмы эволюции ментальности, семантики, знаковых средств. Что очень важно, согласно эффекту Болдуина, когда происходит каждодневные изменения массового сознания и отбор, нейронные и анатомические структуры изменяются, а изменения переходят в генные основы задатков. В частности, наш мозг имеет такое интересное свойство, что младенец может выучить совершенно любой язык, если попадет в соответствующую языковую среду.

На рис. 2 изображена основная функциональная схема Стинкомба, очень удобная для применения и очень гибкая: ее можно расширять. Вершина "гомеостатическая переменная" означает сами заботы – параметр, на который направлена активность живой системы, живого существа. Обеспечивающая структура – то, что приводит эти параметры в приемлемое состояние. Любая активность приводит к издержкам, а издержки часто порождают напряжение, напряжение ухудшает наши гомеостатические переменные.

Чтобы не быть совсем уж абстрактным, поясню. Фундаментальные заботы у нас общие с животными: это безопасность (забота о своей жизни, защита от насилия), каждодневное пропитание, сексуальность, родительство и все, что связано со статусом, престижем, репутацией, членством в группе себе подобных и т. д. Это

волновало всегда и будет волновать людей тоже всегда, просто в разных формах. А вот как именно изменялись и надстраивались эти заботы, разобрано довольно детально в книге. Таковы и были причины развития и языка, и сознания.

Ниже представлен ряд положений и ключевых понятий базовой концепции глоттогенеза.

Гоминиды, как и остальные социальные животные, имели определенный набор базовых забот.

Происходило обновление техноприродных ниш и социальных порядков.

В новых нишах и порядках базовые заботы приводили к вызовам и новым заботам.

Ответные стратегии включали пробы как модификации ингредиентов и механизмы фиксации успешных ответов.

Обретение каждой сапиентной черты (приближающей к *Homo sapiens*) считается складыванием обеспечивающей структуры – анатомической, психофизиологической, поведенческой, ментальной – или же ее частью, аспектом, проявлением.

Новые структуры приводили к издержкам, к обновлению ниш и порядков, далее цикл повторялся.

Благодаря многоуровневому отбору (поведенческому, индивидуальному, половому, межгрупповому, межвидовому) популяции с эффективными структурами (в меняющихся нишах и порядках) выживали и росли, а остальные вытеснялись и вымирали.

Итак, гоминиды, как и остальные социальные животные, имели определенные набор базовых забот. При этом происходило обновление техноприродных ниш, в том числе благодаря орудиям, а также обновление социальных порядков. Соответственно, появлялись новые вызовы, новые заботы. Следовали ответные стратегии, которые включали пробы. Пробы – это широкое значение, здесь могут подразумеваться и анатомические, нейронные мутации, и практики, и институты. Каждое новое слово, звук, слог – это изначально тоже проба. Все такие новации подвержены поведенческому и культурному отбору.

Если удастся ответить на вызов и удовлетворить заботу, то появляется обеспечивающая структура – анатомическая, психофизиологическая, поведенческая, ментальная. Это приводит к издержкам, а значит, к обновлению ниши и порядков. Далее цикл повторяется. Идет многоуровневый отбор – поведенческий, индивидуальный, половой, по Дарвину, межгрупповой и межвидовой отбор. К слову, международные отношения и дипломатия появились задолго до появления государств.

Не будем забывать, что все боковые ветви гоминид исчезли и, похоже, не без помощи наших предков. Мы появились не из неандертальцев, просто мы с ними немного смешивались, по-моему, у нас где-то от 1,6 до 2,7% неандертальских генов.

На рис.3 изображена часть условного, конечно же, графика развития языка и сознания. Выделено то, на чем я сегодня сосредоточусь. Это ментальное убежание, связанное с перемещаемостью, и "тотальность" сознания.

Предлагаю новое понятие – уводящие протофразы. Протофразы – это произнесение каких-то слов, точнее, еще ненастоящих, неполноценных слов, протослов, еще без порядка. Протослова были еще не упорядочены в высказываниях, но у них уже была "уводящая" семантика. Говорили уже о чем-то происходившим не здесь и сейчас. Это и есть языковая перемещаемость. Такие протофразы называются уводящими, потому что намерение говорящего состоит в том, чтобы ментально увести слушателя из ситуации "здесь и сейчас" в какую-то другую, отдаленную ситуацию, т. е. "убежать" туда объединенным, совместно сфокусированным вниманием.

Таков исключительно важный этап в эволюции речи и языка. Об этом пишет Дэниэл Дор, как о "руководстве воображением слушателя". Это позволяет говорящим намеренно и систематически выстраивать в воображении собеседников некий опыт, который они не переживают непосредственно. Мы не показываем что-

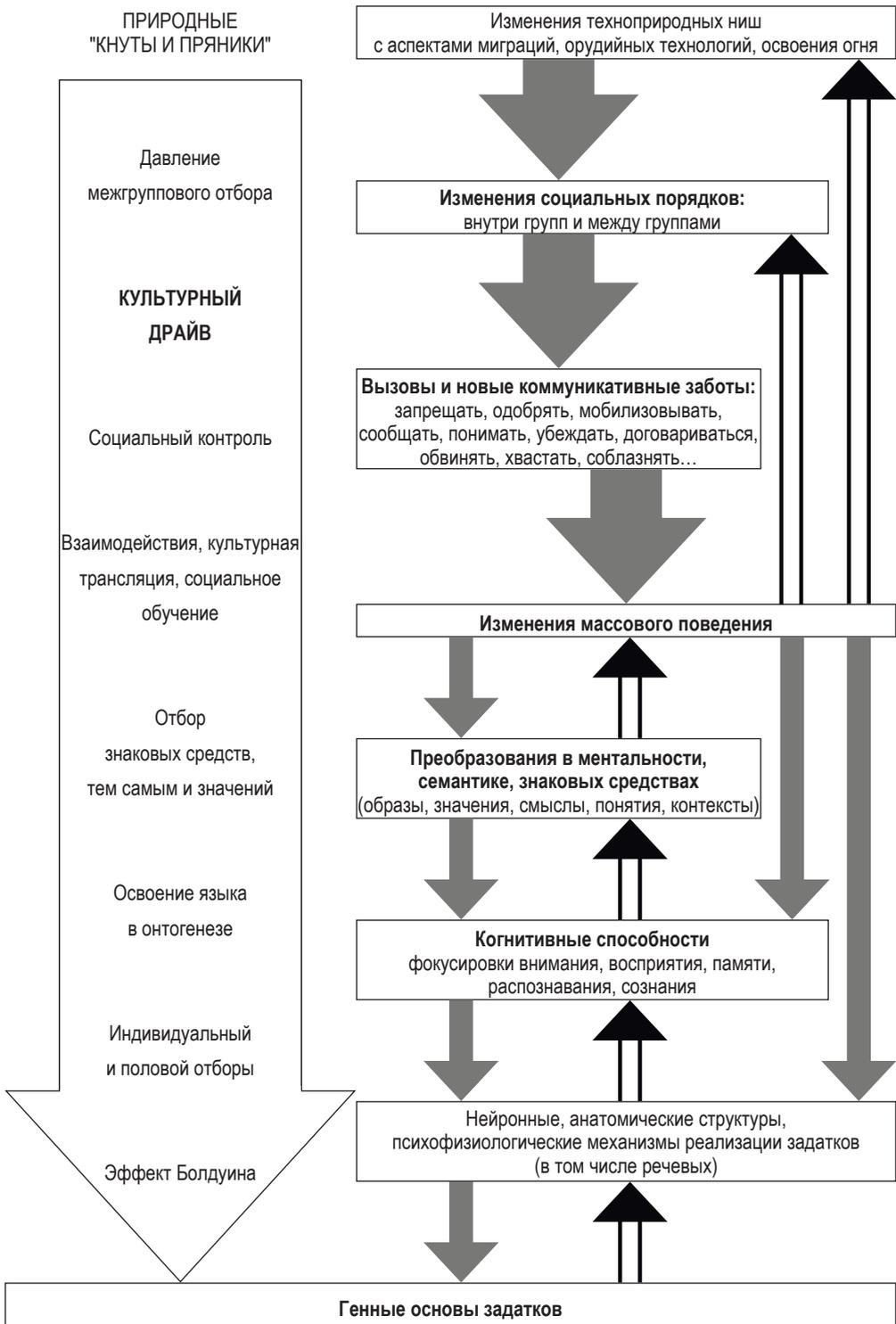

Рис. 1. Уровни изменений в глоттогенезе и причинные связи между ними.
 Fig. 1. Levels of changes in glottogenesis and causal relationships between them.

Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

то, что можно увидеть, услышать, а говорим об этом, и у слушателя возникает тот опыт, о котором мы говорим.

Тут, конечно, можно вспомнить про зеркальные нейроны. Говорящие представляют собеседникам некий код, каркас, перечень основных источников опыта. Следуя этому коду, собеседники извлекают из своих воспоминаний свой прошлый опыт, т. е. они должны понимать, о чем говорится. Затем они перестраивают и перекомпоновывают услышанное, чтобы произвести новый, воображаемый опыт. Это и означает "понять сказанное" о чем-то, что было раньше, или что-то происходящее далеко от непосредственной наличной ситуации.

Примерно про это же писал Мерлин Дональд, используя сложный термин "самозапускающаяся петля воспоминаний и повторов". Современные исследователи Лиане Габора и Камерон Смит подхватывают его идеи. Так же, как и Дональд, они объясняют переход ростом возможностей мозга благодаря увеличению его объема.

На мой взгляд, здесь имеет место совсем другая последовательность. Стало возможно не только хранить больше воспоминаний с большим числом деталей, но *переключаться* с одних воспоминаний на другие. Здесь как раз строится мостик к нейронаукам, поскольку переключение происходит благодаря перекрытию запоеминаемых качеств в соответствующих нейронных ансамблях. Судя по всему, именно через такие систематические перекрытия и действует наш мозг.

Теперь процитирую слова Габора и Смита о нейронных основах того самого "ментального убегания".

"Развитие более детальной (мелкозернистой – fine-grained) памяти означало, что представления можно было кодировать более подробно, распределять по крупным наборам клеточных ансамблей, содержащих больше нейронов. Поскольку организация памяти была адресуемой по содержанию воспоминаний, это означало, что распределенные представления могли *перекрываться*. А большее перекрытие позволяет использовать больше маршрутов, по которым одно воспоминание может вызывать другое. Тогда и появляется эта "самозапускающаяся петля воспоминаний и повторов", что и ведет к способности включаться в рекурсивные воспоминания и потоки абстрактных мыслей".

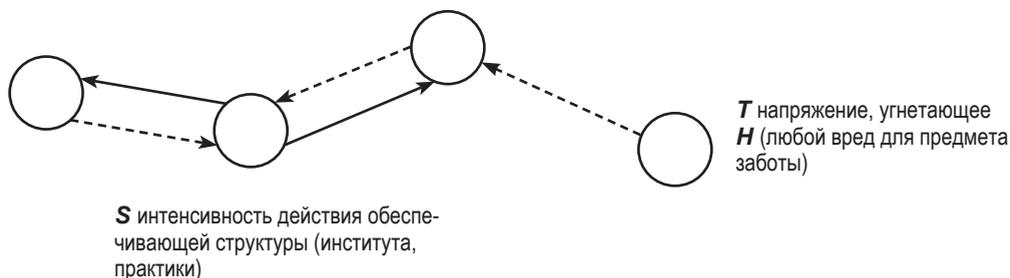
Меня интересует, как и почему появились все эти важнейшие достижения. Сложился механизм, производивший способности к соединению протослов с общим "уводящим" смыслом. Каждой протофразе стал соответствовать вербальный нейронный ансамбль, при его активации у говорящих и слушающих активировались нейронные ансамбли денотатов. Есть ансамбль для слов, и есть ансамбль для денотатов – они перекрываются. Благодаря этому происходило и происходит до сих пор то самое совместное ментальное "убегание" говорящего и слушающего из наличной ситуации "здесь и сейчас" к каким-то отдаленным, а потом и абстрактным объектам.

Зачем же понадобилось "уводить" слушателей речью? Вот, на что следует обратить внимание. Одной уводящей протофразы было недостаточно, нужно было *выступление*, а это предполагает внимание и молчание слушателей, т. е. требовалась коммуникация с рассказом о событиях. Было необходимо некое "заседание" с продолжительным общим фокусом внимания. Но почему остальные молчали? Почему не было общего галдежа?

И вот какое я предлагаю объяснение. 350 тысяч лет назад эректусы уверенно овладели огнем вкупе с коллективным приготовлением пищи (до этого были какие-то зачатки). Это привело к *ритуалам совместных трапез*, которые до сих пор являются универсальными во всех известных культурах, а это свидетельствует об их древности и огромной культурной значимости. Совместная трапеза охотников-собирателей и, вероятно, протосапиенсов, т. е. принятие добытой за день и приготовленной на огне пищи – это *особое действие с общим фокусом внимания, солидарными, скоординированными действиями, общей эмоцией и, что важно, определенным порядком, дисциплиной*. Это уже совсем не похоже на то, как львы, поймав

С издержки, к которым приводит активность структуры **S** (затраты, ущерб, угрозы, дефициты)

H гомеостатическая переменная (параметр, жизненно важный для системы, предмет объективной заботы)

Сплошные стрелки означают положительную (усиливающую, увеличивающую) связь; штриховые – отрицательную (ослабляющую, уменьшающую) связь.

Рис. 2. Модель функциональной причинности по А. Стинчкомбу.

Fig. 2. Model of functional causality according to A. Stinchcombe.

какую-нибудь косулю, рвут ее зубами, причем взрослые самцы отгоняют самок и молодой грозным рычанием.

Что было у гоминид? Можно с уверенностью утверждать, что была установлена очередность доступа к еде. Какой именно порядок неизвестно, но, скорее всего, какая сложилась иерархия в каждой группе, такой и был порядок. Важно одно – имела место некая соблюдавшаяся участниками дисциплина. Без порядка доступа к еде происходили бы каждодневные свары и драки. Однако, такого быть не могло. Уж очень эффективные, а значит дружные и скоординированные были сапиенсы, которые потом мигрировали из Африки и в конце концов заселили всю планету. Ясно, что отношения внутри каждой группы были, скорее, мирными. Очередность доступа к еде – наиболее правдоподобный прототип очередности реплик в разговоре, значимость которых уже хорошо в микросоциологии сейчас известна и изучена еще в 1960–1970-х гг.

О чем они говорили? Можно догадаться. В центр внимания попадали, конечно, не абстрактные отношения, а конкретные ситуации, связанные с удачей, опасностью, несчастием в течение дня, а также конфликты, случаи нарушения принятых правил, порядка. Важно то, что все эти события происходили за пределами актуального зрительного поля. Об этом нужно было говорить, но вербальных средств для этого еще не было. Они создавались именно через упорные, каждодневные попытки в совместных трапезах и после них. Это были также разбирательства и "социальные исчисления". Допустим, кто-то пытается изложить свою версию, кто-то напал на его подругу, произошла драка или была почему-то провальная охота: кто в этом виноват? А у каждого соплеменника в арсенале только протослова и их беспорядочное сочетание – *протофразы*.

Вот тогда они начали становиться уводящими. Говорящий пантомимой, жестами помогал понимать, о чем речь. Но уводящие протофразы сами неточные и двусмысленные. Используем пример Бикертонна "ударить Иг Уг", "Уг ударить Иг" или "Иг ударить Уг". В этих протофразах не определен порядок. Понятно, что кто-то кого-то ударил, но кто кого ударил – непонятно. Когда это становилось важным? Когда появились разбирательства и, скорее всего, они как раз происходили во время и после совместных трапез. Так возник уже *порядок элементов с правилом распознавания смысла*, а это уже протоязык с пиджин-предложениями по Бикертону.

Рис. 3. Эволюция языковой сложности. Время появления перемещаемости и "тотальности" сознания.
 Fig. 3. The evolution of language complexity. The time of emergence of relocatability and "totality" of consciousness.

Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

Теперь обратимся к "тотальности" сознания. Главной загадкой, тайной в философском и психологическом понимании феномена человеческого сознания является "единство апперцепции" – то, что я как раз называю "тотальностью". Это кажущаяся "равновеликость" сознания миру, мирозданию, универсуму. Будто мы можем помыслить что угодно. Нам кажется, что ничто не скроется от света нашего разума. На самом же деле сознание *всегда ограничено*. Чем? Полученными ранее познавательными средствами, прежде всего, смыслового, понятийного, семантического характера. Если нет средств, мы очень многое не поймем, пока эти средства не получим. Когда благодаря когнитивной эволюции, благодаря прогрессу сознания эти средства развиваются (а это всегда сопряжено с развитием языка), тогда расширяется наше сознание. Это относится и к уже обсуждавшемуся сегодня вопросу о том, отличаемся ли мы от греков и так далее. Важно, что *установление неизбывной ограниченности сознания не проясняет природы его кажущейся "тотальности"*. Как же появилась эта "тотальность" в кавычках, иллюзия тотальности? Какие есть значимые способности сознания?

У меня психологический взгляд на такого рода вопросы. Как уже говорилось, в поле сознания индивидуума могут попасть предметы, вербально указанные другим индивидуумом. Это как раз "ментальное убежание": о чем говорим, о том можем и подумать, направляя на это луч нашего внимания. Благодаря сознанию можно сообща обсуждать или в одиночку размышлять о предметах, попавших в фокус внимания. Благодаря сознанию и мышлению можно применять к налич-

ным, а потом и к любым другим ситуациям схемы причинности, целесообразности, предметных отношений, принадлежности, обмена и т. д.

В чем же состоит "тотальность"? Самое главное, что гоминоиды, а скорее всего уже ранние сапиенсы (первые неантропы), научились переключать контексты. То есть легко и быстро менять фокус внимания между ситуациями, между объектами, их частями, признаками, отношениями; связывать их между собой с помощью тех же схем. Это и дает субъективное ощущение потенциальной безграничности – "тотальности" сознания. То есть сознание может быть направленно на все, о чем можно сказать. О чем невозможно говорить, о том следует молчать. Впрочем, с этим афоризмом Людвига Витгенштейна я не согласен. В книге "Происхождение языка и сознания" скрытым образом даже издеваюсь над ним. Если книгу прочтете, то увидите, каким образом.

Все-таки я должен дать определение сознанию, чтобы говорить предметно в книге. Рабочее определение такое: *Сознание* – это целостное поле чувственных и смысловых представлений со способностями перемещать фокус внимания, учитывать происходящее в других местах и временах, перемещаться в смысловых контекстах, использовать ранее накопленные представления для распознавания и обдумывания происходящего, принятия решений и соответствующего поведения. Габора и Смит писали о том, что бывает полезна и фокусировка, и расфокусировка сознания. *Фокусированное внимание* способствует аналитическому мышлению для прицельного детального мысленного оперирования. Однако бывает также полезно *расфокусированное внимание* путем диффузной активации широкой области памяти, здесь работает ассоциативное мышление, это позволяет задействовать менее ясные, но потенциально значимые аспекты ситуации.

Теперь я возвращаюсь к основной схеме глоттогенеза (рис. 3).

"Тотальность" сознания реализуется через такую появившуюся структуру, как *способность к переключению контекстов*, а в языке через *синтаксис и грамматику*.

Перемещаемость реализуется через когнитивную способность к *"ментальному убегаю"*, *"руководству воображением"*. На этом этапе появились удваивающие протофразы, которые, судя по всему, очень быстро перешли в пиджин-предложения.

Пиджин-предложения – те, в которых уже есть порядок слов. "Моя твоя не понимай" – это то самое пиджин-предложение. Например, на русско-китайских рынках часто говорят именно на пиджине. Ну, и на других рынках, где встречаются люди, чьи родные языки очень далекие друг от друга. Пиджины изучал Бикертон, это один из классиков в исследовании глоттогенеза. Он как раз предложил сравнивать предполагаемый протоязык с пиджинами.

О чем я сегодня говорил, это только отдельные ступени на долгом пути происхождения языка и сознания, хотя и чрезвычайно важные. Были и другие, не менее значимые. Две главы книги посвящены "языковому Рубикону" – процессам прорыва к членораздельной и осмысленной речи. Привожу список публикаций, связанных с глоттогенезом и антропогенезом. Есть статьи про язык ("Детство языка") и про сексуальность, о которой нельзя забывать, про социобиологические драйверы антропогенеза и др. [Подробнее см. 12; 13; 14; 15; 16]

Лукин А.Л.: Николай Сергеевич, спасибо огромное за интереснейший доклад, я Вас даже не прерывал. Действительно, очень интересно, и сразу хочется купить книгу, когда она выйдет. Коллеги, вопросы к докладчику на уточнение. Есть ли какие-то моменты, которые требуют прояснения?

Розов Н.С.: Можно вернуться к любому слайду.

Лукин А.Л.: Да, пожалуйста, времени у нас не так много осталось, поэтому давайте не будем допускать пауз. Молчание тоже важно, конечно, как Николай Сергеевич объяснил, но все-таки. Вот поднимает руку Валентин Волощак, это наш аспирант, преподаватель кафедры международных отношений Восточного института. Валентин, пожалуйста.

Волощак В.И.: Николай Сергеевич, здравствуйте. Спасибо за Ваш доклад. Он мне напомнил (просто в Вашей презентации не было упомянуто это имя) теорию Ноама Хомского о генеративной лингвистике, то есть об установке, что есть некий

протоязык, от которого происходят все языки, и который встроен в структуру сознания любого человека, что объясняет, в свою очередь, то, что маленькие дети быстро выучивают новый язык, поскольку все языки подчиняются одним и тем же правилам. Как Вы относитесь к этому подходу? Может быть, он как-то в Вашей мысли отражен? Спасибо.

Розов Н.С.: При всем почтении к Наому Хомскому, я, конечно, категорически противник его подхода, он анти-эволюционный. Затем он в статье с Фитчем и Хаузером несколько его смягчил. Они некую хитрость предприняли. Будто бы есть "широкая языковая способность", и она эволюционирует потихонечку, начиная от языка животных. (Тут будто и нет проблем. Но это ошибка, проблемы были.) И есть, по их мнению, еще так называемая "узкая языковая способность". Она как раз вдруг почему-то появилась в результате потрясающей мутации. Хомский – очень умный и талантливый ученый, но говорит здесь крайне странные вещи. Во-первых, разовые мутации, приводящие к появлению языка – это, простите, чушь собачья. Во-вторых, он говорит, что язык не нужен был для общения, и вообще он вне общения, появился сугубо для мышления. Я, честно говоря, вообще не хотел в книге на него ссылаться. Но мне специалисты по глоттогенезу сказали: "Так нельзя, нужно непременно сослаться, показать, что вы знаете, что есть такой Хомский, что есть эти идеи", – ну ладно, сослался. Но моя концепция абсолютно противоположна идеям Хомского.

Лукин А.Л.: Спасибо за вопрос и за ответ. Коллеги, есть ли еще вопросы на уточнение? Пожалуйста, Василий Андреевич Ключарев.

Ключарев В.А.: Николай Сергеевич, спасибо, очень интересный доклад. Я нейробиолог и хотел просто узнать Ваше мнение. Мы только подходим к таким вопросам в наших исследованиях. Понятно, что у нас очень много биологии, эволюционизма и всякого другого. Одна из теорий, которая очень популярна у нас в кросс-культурных исследованиях, это подход Синобу Китаэмы, который фокусируется на типах взаимодействия в культурах. Грубо говоря, более индивидуальные культуры часто связаны с зерновыми вариантами земледелия. Рис же требует больших коллективных усилий. Эта идея ложится в Вашу концепцию? Или это сильное упрощение, которое не стоит рассматривать с точки зрения глобальных изменений языка и сознания?

Розов Н.С.: Нет, это не упрощение. Это относится к более поздним стадиям, скорее это все-таки про неолит, когда стали выращивать рис или что-то другое. До этого гоминиды были падальщиками и собирателями, тут нет никаких сомнений. Боролись с конкурентами за группы животных, а также пищей были и насекомые, и моллюски, и личинки, и ягоды, и корни. И только на поздних ступенях научились охотиться. Вот когда сапиенсы перебили крупную дичь, тогда пришлось сугубо вынужденно заниматься земледелием и животноводством. Идеи, о которых Вы говорите, совершенно правильные. Есть огромное разнообразие между расами (я тут против гиперполиткорректности). Во многом отличия были связаны с каждодневным трудом – тем же массовым поведением в течение многих поколений. Трудолюбие, ответственность, аккуратность многих китайцев, корейцев и японцев, конечно, связаны с рисовой культурой, тут даже нет никаких сомнений. Просто это более поздние, уже расовые и этнические изменения. У меня в книге речь идет про более ранние этапы, когда, грубо говоря, все гоминиды и ранние сапиенсы были одинаковые, все занимались собирательством, были изначально падальщиками, а потом охотниками. Так что спасибо за замечание, это скорее дополнение к теме сегодняшнего доклада.

Лукин А.Л.: Спасибо. Коллеги, будут ли еще вопросы? Вижу, Сергей Владиславович Чугров, главный редактор журнала "Полис. Политические исследования". Пожалуйста, Сергей Владиславович.

Чугров С.В.: Я рад приветствовать Николая Сергеевича где-то на полпути между Москвой и Владивостоком. Замечательный доклад. Что мне не хватило? Упоминания архетипов юнговской теории. Они, мне кажется, гармонично ложатся на некоторые постулаты, которые мы слышали. Именно с возникновения одинаковых

когнитивных структур в удаленных, не связанных между собой обществах, одинаковые модели мышления и "тень и самость" и т.д. Есть ли здесь уголочек для Карла Густава Юнга в Вашей концепции?

Розов Н.С.: Давайте будем считать, что я не дорос, не созрел до Юнга. У нас, видимо, с Юнгом разные стили мышления. Должен сказать, что сам я по базовому образованию психолог. Я закончил Московский университет и как раз застал и А.Р. Лурия, и Б.Ф. Зейгарник еще живыми, они читали у нас лекции. Ну, и Алексей Николаевич Леонтьев, конечно. У меня была по Фрейдю курсовая на 3-м курсе, конечно же, я изучал и Юнга. Не "зашел" его подход. Наверное, я чего-то не понимаю в глубинах юнгианской психологии. На этом остановимся.

Лукин А.Л.: Понятно, Николай Сергеевич продолжает глумиться над классиками. Почему бы и нет. Коллеги, если ли еще вопросы? Тогда я предлагаю переходить к третьему нашему докладу, тем более что, мне кажется, мостик здесь очевиден. Когда Николай Сергеевич рассуждал о кодировках, о нейронах, всяких там прото... протофразах, я вот сразу подумал об искусственном интеллекте. У меня мысль такая возникла, чем собственно человек в своем развитии отличается от того, как мы сейчас пытаемся создать искусственный интеллект? И у меня нет ответа на этот вопрос, потому что вот в теории Николая Александровича – где тайна? Где Бог? Где человек как образ и подобие божие? Получается, что мы такая же машина. У искусственного интеллекта – нейросети, у нас там какие-то нейроны. Жутко немножко становится. Если честно. Может быть, нам на этот вопрос попытается ответить Роман Игоревич Дремлюга, наш коллега тоже по ДВФУ из дружественной нам школы, доцент и заместитель директора Юридической школы. Роман Игоревич, пожалуйста.

Дремлюга Р.И.: Сегодняшний день, спасибо, Анатолию Михайловичу, это не просто день, это день рождения "самого известного философа права", именно так он упоминается в зарубежных учебниках – Фёдора Михайловича Достоевского, которого даже цитирует зачастую Герберт Харт – это самый известный теоретик права, мировой. И как Вы знаете, Достоевский заслужил такой, скажем, ярлык как "теоретик права" за его "Преступление и наказание". Во многом мой краткий доклад "Нейронаука и уголовное право"² будет посвящен именно преступлению, наказанию и нейронаукам.

Вообще юриспруденция достаточно консервативна в адаптации достижений других наук, это касается и естественных наук, наук о жизни, нейронаук, computer science. Вот буквально вчера мы обсуждали как раз-таки искусственный интеллект, и многие учёные сошлись во мнении, что у юристов представления об искусственном интеллекте десяти-двадцатилетней давности, что, конечно, вызывает опасения, так как во многом просто не актуальны те выводы, которые делаются в юридической науке. Задача права, как Вы знаете, быть неким стабилизатором общества, право должно быть консервативным, чтобы поддерживать стабильность общества.

Одной из самых консервативных отраслей права является уголовное право. Понятно почему. Данная отрасль права решает задачу привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих наиболее опасные для общества деяния, и предусматривает серьезные ограничения свобод человека, поэтому ошибочно принятая норма может повлиять на миллионы жизней, что в истории не раз наблюдалось, особенно, когда мы меняем какие-то концептуальные основы права. То есть, если мы вводим просто наказание за какое-то новое преступление – это может затронуть десятки, может сотни людей, а если мы меняем концептуально понятие вины в уголовном праве, то это может затронуть миллионы людей. Поэтому основы права, аксиомы, на которых оно базируется, вообще крайне редко пересматриваются. Они медленно эволюционируют в своей интерпретации, но в своей основе не меняются со времён древнегреческой философии и известных

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-29-16129

римских юристов. Но последние достижения нейронаук стали активно обсуждаться и в юридической литературе. Буквально 5 лет назад вышел ряд статей, которые говорят о том, что уголовное право должно обратить внимание на нейронауки, иначе оно просто будет неактуально. Речь идет о том, что в нейронауках появились результаты, ставящие под сомнения **свободу воли человека**, и утверждения, говорящие о некоем детерминизме его поведения. Естественно, в данном случае, по сути дела, поведение человека рассматривается как поведение, хоть и очень сложного, но автомата. И пусть простят меня присутствующие нейробиологи за такое упрощение. На свободе воли человека базируется ключевая концепция права: **ответственность**. Данная концепция подразумевает, что человек сам выбирает: следовать правовым нормам или их нарушать. В уголовном праве уголовная ответственность наступает за поступки, попадающие под определение вины, а вина, согласно теории, – это психическое отношение лица к совершенному преступлению или к его последствию. Есть два ключевых элемента вины: это **интеллектуальный** – то есть способность понимать социальный смысл своего поведения, и, что для сегодняшней темы семинара более важно, **волевой** элемент, т.е. направление своих умственных и физических усилий на выбор определённого поведения. Вот в этом волевом элементе вины и скрыта свобода воли. Подразумевается, что человек абсолютно свободно выбирает антиобщественное поведение как альтернативу правомерному, и потому, что он сам это выбрал, он может быть подвергнут наказанию в виде уголовной ответственности. Таким образом, виновность предполагает определенный выбор акта поведения, сделанный лицом добровольно. И этот выбор совершается при осознании агентом противоправности своего поступка. Следовательно, когда мы ставим под сомнение свободу воли человека, нейронауки заставляют представителей наук уголовно-правового цикла пересмотреть фундаментальную парадигму уголовно-правового знания.

С точки зрения криминологии ещё одной науки уголовно-правового цикла, которая изучает причины преступности как социального явления и отдельных преступлений, результаты в сфере нейронаук выглядят еще более революционными. Потому что, согласно криминологической теории, мотивация конкретного преступления реализуется во взаимодействии с определенным комплексом объективно существующих внешних обстоятельств, которые называются ситуацией. Преступление происходит в результате столкновения личности с этой определенной ситуацией, при этом личность развивается в контексте и посредством длительного взаимодействия с социальной средой. Несмотря на кажущийся внешний детерминизм этой концепции и причин преступления, долгое время криминологи ставили во главу угла личность, которая всё равно, несмотря на среду, несмотря на ситуацию, могла сама выбрать преступное или не преступное поведение. Соответственно, если мы ставим свободу воли под сомнение, опять получается, что совершение преступления решающим образом определяется **ситуацией и средой**. И это, кстати, коррелирует с существующим социальным запросом. Например, если посмотреть в суть американского "Black Lives Matter", Вы знаете, что одним из тезисов защитников прав афроамериканцев является то, что "их поместили в определённую среду, которая подталкивает к совершению преступления... они поставлены перед лицом конкретных ситуаций, которые заставляют их совершать преступления, и при этом используется только карательный механизм для разрешения ситуации". С точки зрения уголовно-правовой науки речь о том, что мы переворачиваем фокус с личности на среду и ситуацию.

При этом некоторые представители науки уголовного права посмотрели на результаты, полученные в нейронауке, под другим углом. Это как раз про то, о чем говорил Артём Леонидович. Если человек – это сложный автомат, почему бы не привлекать к уголовной ответственности другие автоматы. Так достаточно популярными в научном мире стали работы израильского ученого, представителя уголовно-правовой науки, который предлагает установить уголовную ответственность для систем искусственного интеллекта. Конечно, это звучит дико, и если бы я стал отстаивать эту точку зрения на какой-нибудь конференции по уголовному

праву, я бы услышал шквал критики. Но он достаточно серьезно, ссылаясь как раз на нейронауки, разрабатывает даже систему наказаний для искусственного интеллекта. То есть, о чём идет речь? Уголовно-правовой науке так или иначе необходимо обратить пристальное внимание на другие науки. В частности, я привел вам несколько примеров, на нейронауки. Потому что без этого, как мне кажется, уголовное право может просто отстать, потерять свою актуальность и не решать тех социальных задач, которые перед ним стоят. Всё, спасибо! Полминуты...

Лукин А.Л.: Да, Роман Игоревич, спасибо вам огромное. Даже, если бы Вы говорили ещё на пару минут дольше, думаю, мы бы вас не остановили. Кстати, хочу немного пояснить, дело в том, что Роман Игоревич по своему первому образованию – компьютерщик, математик, если я не ошибаюсь. Потом уже стал юристом, защитил кандидатскую диссертацию, юридическую. Он предмет искусственного интеллекта знает не как дилетант любитель, а именно как человек, который этим занимается. Коллеги, у нас прозвучало три доклада. Кстати, есть ли уточняющие вопросы к Роману Игоревичу, прежде чем мы перейдём к общей дискуссии.

Бондаренко Д.М.: Добрый день! Хочется ещё раз, пользуясь случаем, поблагодарить всех докладчиков, все доклады были очень интересны. У меня есть уточняющий вопрос по поводу последнего доклада. Мы сейчас говорили, точнее Вы, говорили о том, что возникает тенденция к критике уголовного права, как основанного на презумпции свободной воли человека, и увязывали это с нейронауками. Возможно ли здесь какое-то восхождение к уже давней и в свое время отвергнутой теории Ломброзо о врожденности склонности к преступлению у определённых людей. За этим стоит та же самая идея отсутствия свободы воли у человека. Человек родился потенциальным преступником и, собственно, свобода воли его тут ни причём.

Дремлюга Р.И.: Да, сейчас появились такие исследования, которые пытаются реинкарнировать популярную в своё время теорию Ломброзо, но я прежде всего говорил о том, что всё-таки среда и ситуация, скорее, криминологический подход сейчас начинает доминировать, но такой перевернутый в этом, скажем, тренде, на пересмотр уголовного права. В то же время некоторые авторы обращаются к врожденной склонности к преступлениям, потому что если личность во многом определяется социальной средой и ситуацией, то, что у нее личного остается, кроме какой-то уникальной последовательности ДНК. Но всё-таки я не склонен так считать, я озвучил больше, скажем, обзор чужих идей и думаю, что значение свободы воли просто следует пересмотреть, сместить с неё фокус. Но это не значит, что мы не должны учитывать свободу воли при определении наказания, при определении виновности человека и т.д.

Лукин А.Л.: Коллеги, есть ли ещё уточняющие вопросы к Роману Игоревичу Дремлюге по его докладу. Хорошо, переходим собственно к общей дискуссии. Прозвучало 3 доклада, они, конечно, разные, в то же время были затронуты общие темы: свобода воли, детерминированность, – мы к этому же вечному философскому вопросу и пришли. Пожалуйста, открытый микрофон.

Конончук Д.В.: Уважаемые коллеги, со своей стороны глубокая признательность всем сегодняшним выступающим за доклады. В свое время доводилось мне внимательно читать двухтомник А. Маркова "Эволюция человека". Когда Анатолий Михайлович демонстрировал нам олдувайские чопперы и ашельские рубила, я вспомнил существенный момент из этой книги, где Марков цитирует современные концепции развития нашего интеллекта, нашего когнитивного развития в связи с орудийной деятельностью, увязывая успехи нашей орудийной деятельности с тем, что называется объемом кратковременной рабочей памяти. Объем кратковременной рабочей памяти нас с вами, как сапиенсов, примерно равен семерке. Это число операций, идей, концепций, которые мы можем хранить в памяти одновременно. Вот у шимпанзе это где-то двойка-тройка, соответственно, у наших первобытных предков где-то от тройки к семерке это возрастало. В этой связи такой вопрос. Если мы отталкиваемся от концепции объема кратковременной рабочей памяти, то, предположим, резкий скачок нашей кратковременной рабочей памя-

ти, этот количественный [скачок] вызвал бы качественные изменения в нашем человеческом поведении, если плясать от орудийной деятельности?

Лукин А.Л.: Вопрос, я так понимаю, адресован тому, кто захочет на него ответить. Коллеги, кто-то готов попытаться ответить? Анатолий Михайлович, пожалуйста.

Кузнецов А.М.: Дмитрий Васильевич, во-первых, тут всё очень гипотетично, но могу сказать только одно: да, такие случайные всплески на уровне индивидов или отдельных групп могли быть, но поскольку это были отдельные какие-то [всплески], а не те, которые стали массовыми, никакого существенного влияния в ходе эволюции они не имели.

Лукин А.Л.: Да, вопрос, конечно, не из простых. Николай Сергеевич поднимает руку, пожалуйста.

Розов Н.С.: У меня некоторые замечания относительно орудий. Я очень кратко постараюсь сформулировать, какую роль они играют в происхождении языка и сознания. Почему-то никто не задумывается о том, что эти рублила прекрасные, которые показывали, это было летальное оружие, им начали друг друга убивать. Поэтому самой главной заботой было умиротворить отношения внутри группы. И как раз нормативность, а это мостик к докладу Р. Дремлюги, это было совершенно необходимое условие для дальнейшего развития когнитивного, это что касается орудий. Теперь А. Лукин говорил: складывается какая-то грустная картина, человек как машина, а где тут бог и так далее. Как только появилась вот это ментальное убежание, возможность говорить о чем-то далеком, а потом о чем-то абстрактном, появилось представление о благах, духах, богах, целях, предназначении и так далее, это все, разумеется, и было, и есть, и вся эта духовная сфера никуда не делась. И последнее, относительно доклада Р. Дремлюги, он мне очень понравился, в некотором смысле это вызов: как с точки зрения моей теории объяснить свободу воли и есть ли она вообще? Есть. Но здесь, что я бы рекомендовал и Роману Игоревичу, и всем коллегам: не следует перескакивать от социально значимых действий, о которых говорили (например, каждое преступление – это социально значимое действие), к нейронам. Не надо, это неправильно, потому что есть очень мощный слой психологический и микросоциологический. И здесь я бы порекомендовал обратить внимание на концепцию установок, потому что их всегда много, и это установки относительно того, как устроен мир, это установки идентичности, о которых сегодня говорилось ("а кто такой я?"), и это установки относительно ценностей ("а что важно?"). Вот вроде бы украсть – это очень плохо, это преступление, это вот в этот фрейм. А если у меня ребенок голодает, я что – не украду хлеб для него? Это другой фрейм, и в этом фрейме я прав. И нужно понимать, что вор, преступник, самый что ни на есть авторитет, он в своей системе установок прав, потому что вокруг мужики и барыги, которых надо "стричь", а ответственность у него только между людьми, люди – это такие же воры. Для цыгана украсть лошадь – это не позор, это доблесть, у них другие установки. Вот про это нужно говорить. А свобода воли – это когда у меня есть и такая, и такая установка: вот вроде бы и ребенка надо накормить, и красть нехорошо – и вот тогда появляется свобода воли.

Лукин А.Л.: Спасибо. Коллеги, пожалуйста, у нас осталось минут 10. Кто еще хочет высказаться? Может быть, из тех, кто еще не высказывался.

Гаврилов В.В.: Коллеги, я хотел бы вопрос один задать. Я далек от мысли, что до конца всё понял из того, что было сказано, но, как водится, я экстраполирую всё сказанное на матрицу своего мировосприятия. Не пытаюсь залезть на чужую территорию, хотел бы просто какие-то вещи уточнить. К сожалению, я понял, что мы движемся по грустному сценарию развития, и вот почему. Я, как изначальный юрист-международник, всегда исходил из того, что международное право может развиваться в условиях наличия определенного общего интереса, некоего согласованного поведения, в основе которого лежит подход всех людей к другим людям как к людям, у которых есть некие общие стремления, интересы, поведенческие истории и так далее. Однако, первые два доклада мне почти стопроцентно доказа-

ли, что мир идет по пути когнитивного раздробления. Получается, что, как было сказано одним из докладчиков, если раньше люди были одинаковые, то с какого-то периода времени они стали становиться всё более и более разными. Анатолий Михайлович сказал, что сейчас человек западной цивилизации и российской цивилизации – это совершенно разные люди, у которых разное восприятие того, что происходит вокруг. И в этой связи я пытаюсь понять: а осталась ли какая-то основа для поиска общего пути развития, или же мы будем идти по пути всё большего расхождения и просто перестанем понимать то, что происходит? Я раньше думал, что есть какие-то политологические, военные, экономические и прочие интересы разных стран, но они должны где-то сходиться, потому что есть общее представление о мире и человечестве, о планете, в конце концов, и так далее. Сейчас выясняется, что нет, и чем дальше, тем сильнее это становится очевидным. Вот мне не хватило вашего видения того, что будет дальше, потому что всё, что было в ваших докладах – это о том, что было до. А вот что будет дальше? Потому что мне так кажется, что цель любого исследования, даже такого вот *back vision* [ретроспективного], – это опереться на то, что вы исследуете и посмотреть чуть-чуть вперед. Я не требую никаких рецептов, стопроцентных путей. Два-три тезиса: что будет происходить, есть ли у человечества какая-то надежда, в конце концов? Потому что мы сейчас наблюдаем ситуацию, когда появляются некие транссистемы, компьютерные платформы со своими правилами пользователей, которые на наднациональном уровне пытаются выставить определенную линию поведения. А с учетом того, что они используют электронные, определенные алгоритмы поведения, они потихонечку начинают выстраивать свою субкультуру. Не является ли вот эта история некой альтернативой того или тому, к чему мы привыкли на национальном уровне? Вот об этом вопрос. Я ничего не предугадываю, ничего не предрешаю, я просто хочу спросить, куда дальше пойдет человечество в плане вот этих различий когнитивных, мировосприятельных и свободы воли. Мне не очень приятно это слышать, конечно, потому что я привык, что человек должен жить по законам государства. Конечно, внутри себя он имеет определенные представления о том, что хорошо, а что плохо, но мир без права, [без] доминирующего регулятивного механизма трудно мне себе представить как счастливый мир. Вот у меня такой простой вопрос. Какие нас ждут перспективы? Ну, совсем просто, я не требую, не прошу развернутого анализа. Спасибо большое!

Лукин А.Л.: Кто следующий? Пожалуйста, Екатерина Сергеевна.

Юрченко Е.С.: Занимаясь инновационными проблемами в Китае, хотела бы добавить к нашей дискуссии, что на выбор человека в той или иной ситуации влияет множество факторов. Это позволяет говорить о таком понятии как "архитектура выбора". Человек не является существом "абсолютно рациональным", то есть, имея две системы принятия решений: "рациональную или рефлексивную", связанную с анализом ситуации и "инстинктивную или автоматическую" – человек в большинстве ситуаций с целью сохранения собственных ресурсов опирается в первую очередь на "инстинктивную" систему выбора. Можно говорить, что "абсолютно независимый выбор" человека – это миф, так как в любой ситуации, даже если не наблюдается внешних факторов, существенно ограничивающих выбор человека, всегда будут присутствовать неявные обстоятельства и особенности процесса принятия решения. Здесь можно отметить: способ преподнесения информации о выборе (*framing*), стремление сохранения статуса-кво (*status quo bias*), неприятие потерь (*loss aversion*), неоправданный оптимизм и чрезмерная самоуверенность (*optimism and overconfidence*), эвристика привязки и корректировки (*anchoring and adjustment*), эвристика доступности (*availability heuristic*), эвристика репрезентативности (*representativeness*). Все это обуславливает важность "подталкивания" (*nudge*), как неотъемлемой части архитектуры выбора. Например, если при формулировании вариантов выбора определить какой-то из них как "вариант по умолчанию", зачастую именно он и будет пользоваться наибольшей популярностью. Под "подталкиванием" можно понимать неявные рычаги воздействия на человеческий выбор, такие аспекты архитектуры выбора, которые

позволяют изменять человеческое поведение предсказуемым путем без запрета каких-либо вариантов или ощутимого воздействия при помощи экономических стимулов.

Признание того факта, что "абсолютно независимого выбора" в реальной жизни не существует, так как воздействие на конечное решение человека начинается уже с этапа преподнесения ему этого выбора, отнюдь не отменяет понятий "свободы воли" или "свободы выбора" в целом, так как человек в большинстве ситуаций сохраняет способность принимать решения рационально. Тем не менее наличие таких неявных рычагов воздействия на человеческий выбор позволяет поставить вопрос о том, необходимо ли их использовать на различных уровнях управления, в том числе на государственном уровне. Можно ли за счет этих неявных рычагов уменьшить количество применяемых рычагов принуждения и одинакова ли будет их эффективность в обществах разного типа? Целесообразным при проведении подобных исследований будет учет не только культурных особенностей моделей принятия решения, но и других факторов, таких как степень доверия населения к государству.

Например, опираясь на результаты исследований профессора Цзэн Шицяна (тайваньский эксперт в области особенностей китайского стиля менеджмента), можно утверждать, что процесс принятия решений в Китае значительно отличается, как от западной практики, так и от опыта Японии. Цзэн Шицян утверждает, что Китай нельзя причислять *ни к индивидуалистским культурам, ни к коллективистским* [36]. Китайский стиль менеджмента можно назвать "интерактивистским", что подразумевает разумный индивидуализм, соотносящийся с интересами коллектива посредством коммуникации. Профессор отмечает, что в системе китайского менеджмента решения должны приниматься в первую очередь исходя из текущей ситуации с учетом стратегического планирования и правовых рамок. Интересно, что требования момента и разумность имеют больший вес, чем любые зафиксированные нормы, так как они могут быстро устаревать. Кроме того, Китай традиционно относит к высококонтекстуальным культурам, где большое значение придается невербальной стороне сообщения. Можно предположить, что в китайской действительности использование неявных рычагов влияния на выбор будет обладать достаточно высокой эффективностью, что тем не менее требует проверки в рамках дальнейших исследований, в том числе и методами нейрокогнитивной науки.

Лукин А.Л.: Да, спасибо большое! Слово представляется В.А. Ключареву.

Ключарев В.А.: Я вам предложу достаточно упрощенный взгляд: в нашей области и в моей конкретной – нейробиологии тоже, в отличие от гуманитарных наук, специалисты избегают обобщений. У нас просто в журналах не приветствуется обобщение, нам сразу же сделают режест статьи. Поэтому мы стараемся опираться на свои исследования и научные факты. Это отдельный разговор – как нам найти общий язык, потому что мне всегда хочется задать отдельный вопрос каждому докладчику. Как мы можем это проверить? Можем ли мы экспериментально проверить это в нашей лаборатории? К тому же, у нас достаточно разный язык и это затрудняет общение. Как нам сейчас рассказывали докладчики, действительно, наш мозг за последние, по крайней мере, 10 тысяч лет существенно не изменился. Но он на самом деле – очень пластичен, и сегодня в исследованиях нейробиологии пластичность мозга – это очень горячая тема. Мы раньше считали, что мозг достаточно ригиден и все закладывается в детстве. Да, в детстве, действительно, многое закладывается. Но наш мозг достаточно сильно меняется в течение жизни, и отсюда возникает история о том, что мозг перенастраивается в результате опыта, а опыт в разных культурах, в разных социумах весьма различен. И это, мне кажется, важное открытие для нейробиологов, которые считали, что основные изменения происходят, может быть, в первые месяцы жизни. Что все зависит от мамы и богатства среды в самые ранние месяцы. А сейчас мы понимаем, что мозг формируется долго, этот наш "орган" завершает свое формирование, с точки зрения нейробиологов, примерно к 23 годам. И это огромный период, ис-

ключительный в природе, на который сейчас нейробиологи тоже обращают внимание. Это такой период, когда можно воздействовать на формирование мозга, и, действительно, за это время очень многое меняется в нашем поведении. Я бы сказал так, нейробиологи открыли для себя сейчас **разнообразие**. Для нас – это большая новость, она исследуется в самом разном ключе, от индивидуальных отличий, связанных с какими-то личностными вещами, вплоть до культурных. Для нейробиологов это обстоятельство до сих пор в новинку и мы здесь очень зависим от вас, гуманитариев. Поэтому я бы сказал, что вы найдете в нейробиологии два пласта: во-первых, фундаментальные механизмы, которые похожи у всех людей. Они обычно – базовые и связаны с некоторыми, хотя это и явное упрощение, более старыми механизмами поведения. Если вы даже уйдете в теорию, например нейробиологических моделей принятия решения, то увидите, что все мы очень похожи, например, в решении базовых, моральных дилемм. Так, убить человека руками, задушить его сложно всегда и везде, во всяком случае, уж точно в западной и восточной культурах. Но все, что у нас эволюционно, новое: гигантские области коры, так лобная кора упоминалась, связанная с рабочей памятью, – они достигают невероятных размеров. Поэтому, во-вторых, в более сложных дилеммах – когнитивных, мы находим существенные различия. В этом смысле, для нас интересно понимание разнообразия, причин возникновения разнообразия, здесь мы закидываем мяч на ваше поле, нам интересно узнать про это от вас. Какие могут быть сложные причины, которые приводят к этому разнообразию? Поэтому и для вас, и для нас здесь остается много вопросов.

По поводу той же юриспруденции, все-таки здесь очень много разных пластов, например, зона ответственности. Та же свобода воли предполагает, что мы с вами все разные и у нас действительно присутствуют самые разные мотивы поведения. Поэтому мы должны по-другому сейчас смотреть и на ответственность. Огромные дискуссии на эту тему сейчас идут, целые тома выходят в юридических журналах, где об этом юристы рассуждают. Я вам больше скажу, когда я приехал в Школу экономики, одна из первых встреч была у меня со студентами-юристами. Так они задали мне такой вопрос: откуда вообще берутся разные нормы, например наказания? Кто знает, что эти нормы эффективны? Они приводили несколько примеров того, что разные нормы неэффективны. Кто придумал такое наказание? Это – ступенька в поиске такой поведенческой обоснованности, которую можно продемонстрировать на следующем примере, связанном с поведенческой политикой. Вы можете принять прекрасные законы о вакцинации, и никто их не выполнит. Но вы можете придумать такой закон, который люди выполняют, и в этом смысле он будет эффективным, так как он основан на реальных причинно-следственных связях. Поэтому я бы сказал, что наши науки привносят в юриспруденцию не только такие вопросы и сомнения, но и какие-то новые подходы, которые помогут юридическим наукам быть эффективными. На этом я заканчиваю коллеги. Скорее всего, это ваша дискуссия, и я с огромным удовольствием к вам прислушаюсь.

Лукин А.Л.: Да, спасибо большое. Я, кстати, напомним, что Василий Андреевич Ключарев – это директор института когнитивных нейронаук Высшей школы экономики. Так, и Николай Сергеевич, я так понимаю, тоже хочет высказаться. Пожалуйста.

Розов Н.С.: Дело в том, что я по основной специальности сейчас все-таки не антрополог, а философ, поэтому тот вопрос, который прозвучал о международных отношениях и о глобальном будущем, конечно же, это вызов для меня как философа. Международными отношениями и теорией ценностей я уже не интересуюсь. Хочу же сказать, что нам не столько необходимо объяснять **разнообразие**, сколько понять, объяснять, когда что-то происходит **одинаковое**. Разнообразие в человеческом роде – это, как раз, очень естественно и очень натурально, также как и разнообразие культуры – тоже очень естественно. Я смело могу прогнозировать, отвечая на вопрос, что и дальше будут сохраняться большое разнообразие, сложность и много конфликтов. Это точно будет. Я много занимаюсь, пожалуй, боль-

шую часть своей жизни, философией, историей и макросоциологией. И одна из моих схем – это эпохи турбулентности, когда происходили революции и большие войны, а потом как-то более или менее "устаканивалось". Появилась международная система безопасности, политологи об этом хорошо знают, а потом она опять рушилась. Как мне представляется, сейчас мы находимся внутри вялой эпохи турбулентности, то есть войны какие-то идут, но по "краешкам", небольшие, где-то какие-то революции, и никому ничего не понятно. Не секрет, что, увы, западные либеральные демократические ценности несколько потеряли свой блеск, по сравнению с концом 80-х и 90-х гг. И эта непонятность будет продолжаться до тех пор, пока вдруг не появится какая-то стабильность. Не навсегда она может появиться, а может и совсем не появиться. Вот это очень важно. Возвращаясь к установке – есть культуры, у которых установки очень четкие и, скажем так, противоречащие мирному общежитию. Вот, если я исламский фундаменталист, а вы все не веруете в Аллаха, то ваша жизнь вообще не нужна, она не имеет значения. Убить вас – это доблесть, потому что для правоверных освободится место. Просто нужно понять, что есть и такие установки у немалого числа людей. Таким был ИГИЛ [запрещенный в РФ], а сейчас Талибан [запрещенный в РФ]. Просто он – слабый, а если был бы сильный, мы бы увидели его и за пределами Афганистана. Вот это опасно, и что с этим делать и как – вот вопрос. Значит, опять нужно действовать через какие-то договоры, ценности, угрозы, санкции и прочее. Это большая и сложная область. Опять же точно могу сказать – простых решений не будет.

Лукин А.Л.: Николай Сергеевич, спасибо. Спасибо, коллеги. А есть ли еще желающие высказаться? У нас время уже завершается, поэтому давайте короткие заключительные ремарки. Дмитрий Васильевич, пожалуйста.

Конончук Д.В.: Если не будем обсуждать человечность, давайте обсудим будущее. Относительно будущего – два слова. Тенденцию к дальнейшей фрагментации мира не стоит преувеличивать. Анатолий Михайлович всех запугал, заявив, что у представителей разных культур отличается работа разных областей мозга. Мне кажется, что не стоит преувеличивать этот фактор, поскольку все то, что относится к области различия, будет сдерживаться общей экономикой, глобализацией, которая несмотря на повороты и на встречные процессы, тем не менее продолжается. Человеку сегодня *выгодно* жить в едином мировом пространстве. А это значит, он будет стараться, несмотря на глокализации, видеть общее. Это диалектический процесс, но это благой диалектический процесс, и глобализация, и деглобализация будут продолжаться до тех пор, пока они просто не войдут в какое-то противоречие. Теперь относительно вопроса о степени ответственности, который уже поставил Роман Игоревич. Честно говоря, этот вопрос мне не кажется достойным обсуждения, скажем так, на высоком уровне, потому что логически его достаточно просто обойти, а ситуация заключается вот в чем. Действительно, на кого-то агента преступления, то есть через преступника могут действовать факторы среды, могут действовать какие-то условия, ну, например, как было сказано, мужик должен кормить семью. Но мужик он потому и мужик, что он осознает ответственность за свои деяния, за любые деяния, поэтому если ты хочешь все же воровать – воруй, но пожалуйста, не называй это дело чем-то благим. Преступления – всегда преступления, поэтому ответственность – всегда ответственность. И если некто заявляет, о том, что с меня нужно снять ответственность по такой-то причине, он фактически заявляет о своей дегуманизации, потому что ответственность за свои деяния – это признак человеческого. То есть я человек, потому что я имею право за это ответить. Вот что я могу сказать по поводу двух поднятых сегодня проблем.

Лукин А.Л.: Спасибо, Дмитрий Васильевич, коллеги.

Гаврилов В.В.: Коллеги, я послушал мнения выступающих, мне кажется, они предсказали опять продолжение не очень хороших перспектив, вот я согласен со вторым докладчиком, что, наверное, где не сохраняется разнообразие, а довольно точно вырисовывается нечто общее, единая тенденция. В этом плане то, что сказал только что Дмитрий Васильевич, мне представляется опасным. В каком пла-

не. Все захотят жить в глобализирующемся мире, но проблема в том, что этот мир будет строиться двумя, тремя сильными игроками, а все остальные будут подвдаться под те стандарты, механизмы, перспективы и те ценности, которые видят эти супер игроки. Вот в этом проблема, на мой взгляд. Мы сейчас действительно живем в эпоху перемен, правда, я не считаю ее, к сожалению, вяло текущей. Она идет очень активно, и хотя бы потому, что у нас появляется новый невидимый игрок, помимо суверенных государств. Я говорю об этих ИИ в лице технических платформ и прочих вещей, то есть появляются негосударственные акторы, которые в какой-то момент могут стать гораздо сильнее государств. Значит, появляется еще одна дополнительная ипостасия того, что происходит вокруг нас. Так вот я полагаю, что, к сожалению, мы действительно живем в мире, который строит новую систему международных отношений. Эта перспектива не очень далекая, все будет сделано достаточно быстро, и проблема в том, что когнитивные способности человеческие, на мой взгляд, будут понижаться, постольку в конкуренции с технологиями, гаджетами и ИИ, человек будет постепенно терять свое место и роль в этом мире, а это будет означать, что он станет гораздо более управляем. Не внесет ли все это абсолютно новую ноту в перспективу развития человечества как такового? Но это совсем общие высказывания, которыми я хотел бы закончить свое мнение по этому поводу.

Лукин А.Л.: Спасибо, Вячеслав Вячеславович! Сейчас мне на ум сразу пришла вот такая мысль, и я очень короткоотреагирую. Знаете, я, как международник, **верю** в теорию баланса сил. Что, если будет несколько центров сил, если будет американский и китайский центры, они будут друг друга уравнивать, и может быть Россия в этом пространстве, мы сумеем выжить, маневрируя между ними, что уже хорошо.

Конончук Д.В.: А что так сразу выжить, Артем Леонидович? Не надо Россию унижать.

Лукин А.Л.: Нет, нет. Я думаю, что мы сейчас анализировать не будем тему политики. Я просто высказался. Так, пожалуйста, давайте, наверное, предоставим заключительное слово Анатолию Михайловичу Кузнецову, чтобы он резюмировал коротко то, что сегодня у нас произошло, нашу сегодняшнюю дискуссию, может быть пути на будущее обозначил, потому что, я так подозреваю, интерес очень большой, может быть мы еще соберемся. Анатолий Михайлович, пожалуйста.

Кузнецов А.М.: Спасибо! Прежде всего, благодарность всем, кто принял участие в семинаре. И очень рад, что у нас тут были представители основных гуманитарных направлений, от философии до собственно науки. Отдельное спасибо, конечно, Василию Андреевичу, который внес естественнонаучное начало в обсуждение, но при этом сказал, что с нами нужно сотрудничать. Хотелось бы отметить еще два момента. Вячеслав Вячеславович, по поводу того, какие у нас перспективы, и что нас ждет. Не забываем, долгое время Европа была центром мира, потом был колониализм и много чего другого. Только сейчас мы пришли к пониманию того, что на самом деле мы разные, и осознать это еще не все смогли и не все хотят с этим мириться, учитывая претензии лидеров некоторых стран на свою исключительность. Поэтому мы должны вместе поднимать и обсуждать эти вопросы. Я очень благодарен Николаю Сергеевичу за то, что он сделал доклад про язык, потому что языка я вообще не касался и пока мало в этом что понимаю. Я старался осветить некоторые моменты, которые еще нуждаются в более подробном обсуждении. Коллеги, я думаю, у нас есть еще много сложнейших проблем, которые нам предстоит решать, и я уверен, что они и есть действительно передовой фронт науки, которым и надо заниматься. Еще раз спасибо большое всем!

Лукин А.Л.: Коллеги, я присоединяюсь к Анатолию Михайловичу, всем огромное спасибо за участие. Мне кажется, мероприятие действительно получилось успешным, продуктивным, и мы не зря потратили два с лишним часа. На этом позвольте попрощаться, и до новых встреч.

Литература

1. Анохин К.В. Мозг и разум. URL: <http://omiliya.org/article/konstantin-anohin-mozg-i-razum>, 2015 (дата обращения: 18.04.2017).
2. Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум. Введение в нейрокогнитивные науки. В 2-х т. М.: Лабиринты знаний, 2021. 1005 с.
3. Беар М.Ф., Парадизо М.А., Коннорс Б.В. Нейронауки. Исследование мозга в 3-х т. М.: Диалектика, 2020. 416 с.
4. Большая игра на нейро. URL: <https://www.newkalinograd.ru/special/neuro-bfu/> (дата обращения: 17.01.2022).
5. Гирц К. Как мы сегодня думаем: к этнографии современной мысли // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 3–16.
6. Ключарев В.А., Шмидса Э., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. № 2. С. 14–35.
7. Кузнецов А.М. Некоторые общие проблемы теории и методологии анализа воспроизводства общественно-политических систем // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 22–31.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. 398 с.
9. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Москва-Ижевск: РХД, 2005. 672 с.
10. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Академия, 1928. 152 с.
11. Путин заверил, что государство поддержит исследование мозга. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6032051> (дата обращения 14.01.2022).
12. Розов Н.С. Загадки антропогенеза и критерии человечности // Философия и общество. 2021. № 1 (98). С. 5–30.
13. Розов Н.С. Многоуровневая эволюция сексуальности в антропогенезе: концептуальная реконструкция // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 87–100.
14. Розов Н.С. Номологическое объяснение ароморфозов преистории на основе отечественных концепций эволюции и антропогенеза // Философия науки. 2021. №2 (89). С. 99–118.
15. Розов Н.С. Детство языка в антропогенезе: от первых протослов – к ситуативным протофразам // Ценности и смыслы. 2021. № 3 (73). С. 27–42.
16. Розов Н.С. Происхождение языка: коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур // Метод. Ежегодник. 2021. Вып. 11. С. 162–193.
17. Розов Н. С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 356 с.
18. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир – методологическая характеристика социологии жизни // Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение". 2015. № 7 (150). С. 9–14.
19. Cacioppo J.T., Berntson G.G., Adolphs A., Carter C.S., Davidson R.J., McClintock M.K., McEwen B.S., Meaney M.J., Schacter D.L., Sternberg E.M., Suomi S.S., & Taylor S.E. Foundations in social neuroscience. Cambridge, MA: MIT Press. 2002. 1345 p.
20. Cacioppo J.T., Decety J. An Introduction to social Neuroscience // The Oxford Handbook of Social Neuroscience. Oxford, NY.: Oxford University Press. 2011. P. 3–8.
21. Chiao J. Philosophy of Computational Cultural Neuroscience. NY: Routledge, 2020. 194 p.
22. Culture, Mind and Brain. Emerging Concepts, Models, and Applications. Ed. by Kirmayer L.J., Carol M., Worthman C. M., Kitayama Shinobu, Lemelson R., Cummings C.A. 2020. 512 p.
23. Han S., Ma Y. Cultural differences in human brain activity: a quantitative meta-analysis // NeuroImage. 2014. Vol. 99. P. 293–300.
24. Han S., Northoff G., Vogeley K. Wexler B.E., Kitayama S., Varnum M.E.W. A cultural neuroscience approach to the biosocial nature of the human brain // Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 335–359.
25. Holmes M. Face-to-Face Diplomacy. Social Neuroscience and International Relations. Cambridge. Cambridge University Press. 2018. 304 p.
26. Kuznetsov A.M. Some general issues of a system analysis of ethnic problems // Asian Ethnicity. 2016. № 1. P. 3–14.
27. Kirtsoglou E., Simpson B. Introduction. The time of anthropology: studies in contemporary chronopolitics and chronocracy // The Time of Anthropology Studies in Contemporary Chronopolitics. Ed. by Elisabeth Kirtsoglou, Bob Simpson. L.-NY.: Routledge, 2020. P. 1–30.
28. Machamer P., Sytma J. Neuroscience and Theoretical Psychology What's to Worry About? // Theory & Psychology. 2007. Vol. 17(2). P. 199–216.
29. Malafouris L. How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement. MIT Press, 2013. 292 p.
30. Philosophy of Cultural Neuroscience. Ed. by J. Chiao. Routledge, 2017. 132 p.
31. Said E. Orientalism. NY: Vintage Books, 1979. 368 p.
32. Shirokogoroff S.M. Psycho-mental Complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co,

1935. 469 p.

33. Sloman S.A, Patterson R., Barbey A.K. Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge. *Frontiers in Systems Neuroscience*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnsys.2021.675127/full> (дата обращения: 14.11.2021).

34. Social Neuroscience. *People Thinking about Thinking People*. Ed. by John T. Cacioppo, Penny S. Visser and Cynthia L. Pickett. Cambridge: MIT Press, 2006. 304 p.

35. Vendt A. *Quantum Mind and Social Science; Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

36. 曾仕强. *中国式管理*. – 北京: 中国社会科学出版社, 2005. 243 = Цзэн Шицян. *Китайский стиль менеджмента*. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2005. 243 с.

References

1. Anokhin K.V. *Mozg i razum*. URL: <http://omiliya.org/article/konstantin-anohin-mozg-i-razum>, 2015 (data obrashheniya: 18.04. 2017).

2. Baars B., Gejzhd N. *Mozg, poznanie, razum. Vvedenie v neirokognitivnye nauki*. V 2-kh t. M.: Labirinty znanij, 2021. 1005 s.

3. Bear M.F., Paradizo M.A., Konnors B.V. *Nejronauki. Issledovanie mozga v 3-kh t. M.: Dialektika, 2020. 416 s.*

4. Bol'shaya igra na nejro. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/special/neuro-bfu/> (data obrashheniya: 17.01.2022).

5. Girts K. *Kak my segodnya думаем: k ehtnografii sovremennoj mysli // Ehtnograficheskoe obozrenie. 2007. № 2. S. 3–16.*

6. Klyucharev V.A., SHmidsa E.H., SHestakova A.N. *Nejroehkonomika: nejobiologiya prinyatiya reshenij // EHksperimental'naya psikhologiya. 2011. № 2. S. 14–35.*

7. Kuznetsov A.M. *Nekotorye obshhie problemy teorii i metodologii analiza vosпроизводства obshhestvenno-politicheskikh sistem // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovanij. 2018. № 4. S. 22–31.*

8. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya*. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1985. 398 s.

9. Penrouz R. *Teni razuma. V poiskakh nauki o soznanii*. Moskva-Izhevsk: RKHD, 2005. 672 s.

10. Propp V.YA. *Morfologiya skazki*. L.: Akademiya, 1928. 152 s.

11. Putin zaveril, chto gosudarstvo poderzhit issledovanie mozga. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6032051> (data obrashheniya 14.01.2022).

12. Rozov N.S. *Zagadki antropogeneza i kriterii chelovechnosti // Filosofiya i obshchestvo. 2021. № 1 (98). S. 5–30.*

13. Rozov N.S. *Mnogourovnevaya ehvolyutsiya seksual'nosti v antropogeneze: kontseptual'naya rekonstruktsiya // Vestnik antropologii. 2021. № 2. S. 87–100.*

14. Rozov N.S. *Nomologicheskoe ob'yasnenie aromorfozov preistorii na osnove otechestvennykh kontseptsiy ehvolyutsii i antropogeneza // Filosofiya nauki. 2021. №2 (89). S. 99–118.*

15. Rozov N.S. *Detstvo yazyka v antropogeneze: ot perykh protoslov – k situativnym protofrazam // TSennosti i smysly. 2021. № 3 (73). S. 27–42.*

16. Rozov N.S. *Proiskhozhdenie yazyka: koehvolyutsiya kommunikativnykh zabor i znakovykh struktur // Metod. Ezhegodnik. 2021. Vyp. 11. S. 162–193.*

17. Rozov N. S. *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti*. Novosibirsk: Manuskript, 2022. 356 s.

18. Toshhenko ZH.T. *ZHiznennyj mir – metodologicheskaya kharakteristika sotsiologii zhizni // Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie". 2015. № 7 (150). S. 9–14.*

19. Cacioppo J.T., Berntson G.G., Adolphs A., Carter C.S., Davidson R.J., McClintock M.K., McEwen B.S., Meaney M.J., Schacter D.L., Sternberg E.M., Suomi S.S., & Taylor S.E. *Foundations in social neuroscience*. Cambridge, MA: MIT Press. 2002. 1345 r.

20. Cacioppo J.T., Decety J. *An Introduction to social Neuroscience // The Oxford Handbook of Social Neuroscience*. Oxford, NY.: Oxford University Press. 2011. P. 3–8.

21. Chiao J. *Rhilosophy of Computational Cultural Neuroscience*. NY: Routledge, 2020. 194 p.

22. *Culture, Mind and Brain. Emerging Concepts, Models, and Applications*. Ed. by Kirmayer L.J., Carol M., Worthman C. M., Kitayama Shinobu, Lemelson R., Cummings C.A. 2020. 512 p.

23. Han S., Ma Y. *Cultural differences in human brain activity: a quantitative meta-analysis // NeuroImage. 2014. Vol. 99. P. 293–300.*

24. Han S., Northoff G., Vogeley K. Wexler B.E., Kitayama S., Varnum M.E.W. *A cultural neuroscience approach to the biosocial nature of the human brain // Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 335–359.*

25. Holmes M. *Face-to-Face Diplomacy. Social Neuroscience and International Relations*. Cambridge. Cambridge University Press. 2018. 304 p.

26. Kuznetsov A.M. *Some general issues of a system analysis of ethnic problems // Asian Ethnicity. 2016. № 1. P. 3–14.*

27. Kirtsoglou E., Simpson B. Introduction. The time of anthropology: studies in contemporary chronopolitics and chronocracy // *The Time of Anthropology Studies in Contemporary Chronopolitics*. Ed. by Elisabeth Kirtsoglou, Bob Simpson. L.-NY.: Routledge, 2020. P. 1–30.

28. Machamer P., Sytsma J. Neuroscience and Theoretical Psychology What's to Worry About? // *Theory & Psychology*. 2007. Vol. 17(2). P. 199–216.

29. Malafouris L. *How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement*. MIT Press, 2013. 292 p.

30. *Philosophy of Cultural Neuroscience*. Ed. by J. Chiao. Routledge, 2017. 132 p.

31. Said E. *Orientalism*. NY: Vintage Books, 1979. 368 p.

32. Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.

33. Sloman S.A, Patterson R., Barbey A.K. Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge. *Frontiers in Systems. Neuroscience*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnsys.2021.675127/full> (data obrashheniya: 14.11.2021).

34. *Social Neuroscience. People Thinking about Thinking People*. Ed. by John T. Cacioppo, Penny S. Visser and Cynthia L. Pickett. Cambridge: MIT Press, 2006. 304 p.

35. Vendt A. *Quantum Mind and Social Science; Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

36. 曾仕强. *中国式管理*. – 北京: 中国社会科学出版社, 2005. 243 = TSzehn SHitsyan. *Kitajskij stil' menedzhmenta*. Pekin: CHzhungo shekhuj kehshyueh chuban'sheh, 2005. 243 s.

Дмитрий Михайлович БОНДАРЕНКО, д-р. ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по науке Института Африки РАН, Москва, Россия, e-mail: dbondar@hotmail.com

Вячеслав Вячеславович ГАВРИЛОВ, д-р. юрид. наук, директор Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: gavrilov.vv@dvfu.ru

Роман Игоревич ДРЕМЛЮГА, канд. юрид. наук, заместитель директора Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: dremluga.r.i.@dvfu.ru

Василий Андреевич КЛЮЧАРЕВ, канд. биол. наук, директор Института когнитивных нейронаук Высшей школы экономики, Москва, Россия, e-mail: vkluharev@hse.ru

Дмитрий Васильевич КОНОНЧУК, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kononchuk.dv@dvfu.ru

Анатолий Михайлович КУЗНЕЦОВ, д-р. ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Артем Леонидович ЛУКИН, канд. полит. наук, заместитель директора по науке ВИ-ШРМИ Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: lukin.al@dvfu.ru

Николай Сергеевич РОЗОВ, д-р. филос. наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, заведующий кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, e-mail: nrozov@gmail.com

Сергей Владиславович ЧУГРОВ, д-р. социол. наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия, e-mail: sergeyuchugrov@gmail.com

Екатерина Сергеевна ЮРЧЕНКО, ст. преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: iurchenko.es@dvfu.ru

Dmitrii M. BONDARENKO, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Science of the Institute for African Studies of the RAS, Moscow, Russia, e-mail: dbondar@hotmail.com

Vyacheslav V. GAVRILOV, Doctor of Law, Director of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gavrilov.vv@dvfu.ru

Roman I. DREMLUGA, Candidate of Law, Deputy Director of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dremluga.r.i.@dvfu.ru

Vasilii A. KLYUCHAREV, Candidate of Biological Sciences, Director of the Institute of Cognitive Neurosciences, Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: vkluharev@hse.ru

Dmitrii V. KONONCHUK, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kononchuk.dv@dvfu.ru

Anatolii M. KUZNETSOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Artem L. LUKIN, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lukin.al@dvfu.ru

Nikolai S. ROZOV, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS, Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: nrozov@gmail.com

Sergei V. CHUGROV, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs, Leading Researcher, National Research Institute of World

Economy and International Relations of the RAS, Moscow, Russia, e-mail: sergeychugrov@gmail.com

Ekaterina S. YURCHENKO, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: iurchenko.es@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 24.01.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 23.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 30.05.2022